

The New York Times

CLASSICAL MUSIC REVIEW

DMITRI HVOROSTOVSKY

Two Different Ways to Sing About Russia

Jan. 28, 2006 *By Allan Kozinn*

The baritone Dmitri Hvorostovsky sings Russian music better than most, not least because he has that rich, sepulchral timbre that the great Russian Romantics heard in their inner ears. He offers recitals of this music periodically, invariably to good effect. And on Wednesday evening, accompanied by the Philharmonia of Russia and the Cathedral Choral Society, led by Constantine Orbelian, he sang a Russian program at Avery Fisher Hall.

But there was a twist. In the first half of the concert, which was called "From Russia With Love," Mr. Hvorostovsky sang arias from operas by Rachmaninoff, Rubinstein and Borodin, and Mr. Orbelian led his orchestra in dances and preludes from operas by Rimsky-Korsakov, Tchaikovsky and Mussorgsky. After the intermission, Style of Five, a Russian folk group, brought balalaikas and other instruments into the ensemble, and Mr. Hvorostovsky sang mid-20th-century Russian popular songs, most of them about soldiers' thoughts of home (meaning Russia itself, as well as their families) during World War II.

As cultural explorations go, this split focus had its illuminating moments. There is, for example, a reasonably clear connection between the passions of "Ves' tabar spit" ("The Camp Is Asleep") from Rachmaninoff's "Aleko" and those of Mark Fradkin's "Slutchaynyy Val's" ("Unexpected Waltz"). The strangely mystical hopefulness of "Na vazdushnam akeane" ("On the Oceans of Air") from Rubinstein's "Demon" has a counterpart in Kiril Molchanov's "Zhdi menia" ("Wait for Me"). The two music styles share a deeply brooding, lachrymose quality as well.

But seeking links takes you only so far. For anyone who wants to hear Mr. Hvorostovsky sing *À* really sing *À* the action was in the first half, where there was also much to admire in the Philharmonia's full-throttle, high-energy playing.

Vocally, Mr. Hvorostovsky was slumming in the popular songs. Because the kind of projection and dramatically infused singing he does in opera would not be appropriate to these pieces, he scaled down his approach and sang, reservedly, into a microphone. And although there were clear highlights *À* among them Mikhail Nozhkin's almost Weill-like "Posledniy boi" ("The Last Battle") and Jan Frenkel's eerie "Zhuravli" ("Cranes") *À* a lot of the music was melodically modest and even a bit talky. Clearly, judging from the audience response, these songs still have resonance for Russians who grew up with them. But it seemed a waste to hear Mr. Hvorostovsky using his glorious baritone at full power for only half the concert.

Mr. Hvorostovsky and Mr. Orbelian have recorded the Russian popular songs for Delos. They are repeating this program at the Jackie Gleason Theater in Miami, on Tuesday, and at the Barbican Center, in London, on Feb. 17.

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ

Два Разных Способа петь О России

2006 Январь 28 Аллан Козини

Баритон Дмитрий Хворостовский поёт русскую музыку лучше большинства, не в последнюю очередь потому, что у него те богатые, трагические интонации, которые великие русские романтики слышали своим внутренним слухом. Он периодически предлагает сольные концерты этой музыки, неизменно с большим успехом. И в среду вечером в сопровождении Российского филармонического оркестра и сборного хора под руководством Константина Орбеляна он спел русскую программу в Эвери Фишер Холл.

Но тут был один неожиданный ход. В первой половине концерта, который назывался "Из России с любовью", господин Хворостовский пел арии из опер Рахманинова, Рубинштейна и Бородина, а господин Орбелян дирижировал оркестровыми фрагментами из опер Римского-Корсакова, Чайковского и Мусоргского. После антракта русская фольклорная группа "Стиль пяти" дополнила ансамбль баладайками и другими инструментами, и господин Хворостовский пел популярные русские песни середины 20-го века, большинство из них о мыслях солдат о доме (имеется в виду о самой России и о своих семьях) во время Второй мировой войны.

Если углубиться в культурологические исследования, это объединение разных направлений можно объяснить. Прослеживается, например, достаточно чёткая связь между страстями "Весь табор спит" из оперы "Алеко" Рахманинова и "Случайным вальсом" Марка Фрадкина. Странная мистическая надежда романса Демона Рубинштейна "На воздушном океане" имеет аналог в "Жди меня" Кирилла Молчанова. Эти два музыкальных стиля также имеют общие глубоко задумчивые, грустные черты.

Но поиск связей на этом заканчивается. Для тех, кто хочет услышать, как господин Хворостовский поёт настоящему, действие происходило в первой части, где также было чем восхищаться в мощной, энергичной игре оркестра.

В вокальном плане господин Хворостовский опустил в популярных песнях. Поскольку оперное драматическое пение не подошло бы для этих песен, он уменьшил свой оперный голос и пел сдержанно, в микрофон. И хотя были яркие моменты, среди них почти вайлевский* "Последний бой" Михаила Ножкина и мистические "Журавли" Яна Френкеля – большая часть музыки была мелодически скромной и даже немного разговорной. Несомненно, судя по реакции аудитории, эти песни всё ещё имеют резонанс для россиян, которые выросли вместе с ними. Но слушать, как господин Хворостовский использует свой великолепный баритон на полную мощность только половину концерта, казалось пустой тратой времени.

Господин Хворостовский и господин Орбелян записали русские популярные песни с компанией "Делос". Они повторяют эту программу в театре Джеки Глисон в Майами во вторник (14 февраля) и в центре Барбикан в Лондоне 17 февраля.

*Курт Вайль – немецкий и американский композитор, дирижёр и музыкальный педагог первой половины XX века, один из немногих композиторов, сумевших создать настоящий мост между «серьёзной» и «лёгкой» музыкой, в стремлении к социальной действенности своей музыки серьёзно «упростив» музыкальный язык. Перевод с английского Н. Тимофеевой